

— Однако на Москву не пойду, тут мой пупок резан, здесь я и хорониться буду.

Архиерей тех слов слышать не хотел. Пришлось Аввакумушке собраться. А душа у него занывала, как ледок на нарыле,¹ предчувствие брало его, что неладное с ним будет на Москве.

Приехал Аввакумушка на Москву, и тут ему скоро чести много дали. Стал он служить службу в самой большой церкви. К архиереям и другим попам на богослужение не шли, а к Аввакумушке народ валом валил. Тут-то вот и озлились все архиереи и попы московские на Аввакума и стали на него доносы доносить, что-де, мол, новый поп Аввакумка блудом занялся, баб к себе чужих прельщает и других попов поносит. А тут откуда ни возьмись новый патриарх объявился, Никоном звали его. Тот Никон за праведную веру Аввакумушку стал канать, да так, что никакого житья от проклятого Никона не было. Вот так о жизни Аввакума до проклятого Никона мой прадедушка баил. А как дальше было, уж про то сами знаете.²

В примечании к данной записи И. И. Веселов указывает, что это один из распространенных вариантов предания о жизни и деятельности протопопа Аввакума до начала раскола. «Это предание, — пишет собиратель, — широко бытует у старообрядцев Забайкалья, особенно у той части, которая в прошлом веке переселилась из Бичуры к озеру Байкал и основала село Исток-Котакель. В разных вариантах его рассказывают не только глубокие старики, но и люди среднего возраста».

Дальше И. И. Веселов приводит записанный им вариант от 46-летнего рыбака Вихулы Анисимовича Худобенова.

Про Аввакума каждый из нас знает. Да как же про то не знать, ковыды он за нашу старую веру больше всех наших дедов пострадал! Он-то, ведь, наш брат по крови — сын крестьянский. Отец его, как и наши отцы, хлеборобством занимались; говорят, недалеко от Москвы батька его жил. Отец ему церковну грамоту сызмалетства дал. Когда отец помер, то Аввакум сам дошел до всех книг и писаний. В деревне наш Аввакум вырос, в ней он и духу мужицкого набрался. Дух-то мужицкий крепок, его обухом не перешибешь и колотушкой не выбьешь. Набрался разной грамоты Аввакум и сказал мужикам:

— Вернее нашей старой мужицкой веры нет. Ей наши деды верили, и мы должны почитать ее.

Вот наши деды и блюли ту веру, верой и правдой ее несли, за праведную веру можно хоть что сделать. Царь Алексей бытто бы Михайлович злой был, с нехристями связался, с заморскими ярыжками познался и давай от них разную непотребность на русской земле заводить. Узнал об том Аввакум и как верный крестьянский поп начал против непотребства царя мужикам с амвона говорить. Дескать кошке смех, а мышкам слезки, царю забава, а мужикам горе. Царю этой давай, другого подай, а где все это мужику взять. Заартачились мужики, не стали царя слушать. Царь о том узнал, вызвал к себе Аввакума и сказал патриарху:

— Ты, мой патриарх, пригрей коло моего двора протопопа Аввакума, корми его со своего стола, облачение давай доброе, он и перестанет народ мутить. А то от него беда большая идет.

Все сполнил проклятуший Никон, токмо Аввакум на своем стоял.

¹ Нарыло — длинный шест, орудие для подледного лова рыбы.

² Копия оригинала записи со всеми примечаниями собирателя находится у автора данной статьи.